Анна Плотникова

Традиционная народная культура боснийских мусульман в XXI веке

Anna Plotnikova

Traditional Folk Culture of the Bosnian Muslims in the Twenty-First Century

Anna Plotnikova — Senior Research Fellow, Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow. annaplotn@mail.ru

The article is devoted to the specific folk tradition of the Slavic Muslims of Bosnia («bosnjak's»), which is only partially exposed to the transformative influence of particular religious affiliations. The ethnolinguistic fieldwork revealed that up to now the Muslims of Central Bosnia (Belashnica, Treskavitza, the region of Visoko) preserve the most archaic cultural texts, typical for the Southern Slavs in many local variants, regardless of their confessional belonging. The article also describes some forms of religious syncretism and interweaving between various archaic ritual and folklore motives in the folk tradition, which have resulted from the influence of both Christianity and Islam.

Keywords: ethnolinguistics, cultural tradition, religious syncretism, archaic contexts, folklore motives, family rites, the Day of St. George, folk mythology.

Авторская работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» (проект «Восток и Запад в традиционной духовной культуре славян-мусульман на Балканах»).

Предлагаемая статья связана с продолжающимися в течение уже нескольких десятилетий этнолингвистическими исследованиями традиционной народной духовной культуры славян. В 70–80-х годах XX века Н. И. Толстым и его коллегами в Институте славяноведения РАН было основано этнолингвистическое направление в области комплексного изучения явлений языка и традиционной народной духовной культуры, впоследствии названное «московская этнолингвистическая школа»[1]. В рамках этой школы начиная с 1990-х годов были проведены десятки экспедиций на Балканы, в том числе к южным славянам: в Болгарию, Сербию, Македонию, Хорватию. Исследовались культурные традиции христианских народов, как правило, православных (ареал, называемый учеными *Slavia Orthodoxa*). Традиционная народная культура боснийских мусульман долгое время оставалась на периферии научных интересов ученых, занимающихся этнолингвистическим обследованием южнославянских регионов. Впервые ситуация изменилась в 2011 году с началом полевого обследования мусульман в окрестностях Сараева (горные массивы Белашницы и Трескавицы), которое велось по вопроснику, созданному для этнолингвистического изучения балканославянского ареала[2]. В мае — июне 2012 года была предпринята вторая экспедиция в центральную Боснию, во время которой, помимо начатой полевой работы в окрестностях Сараева, были осуществлены беседы с жителями сел из окрестностей Високо (села Пориечани, Подвине, Гине) по тому же вопроснику.

Следует отметить, что в самой бывшей Югославии, по данным этнографической литературы, полевые исследования боснийских мусульман, наряду с изучением православных и католиков в Боснии и Герцеговине, активно развивались. Например, выдающийся сербский этнограф Миленко Филипович, как правило, изучал и описывал обычаи православных, католиков и мусульман отдельно в рамках каждой исследуемой сферы народной культуры (календарные праздники, семейная обрядность и т. д.)[3]. Тонкие

1. См. *Толстая С. М.* Московская школа этнолингвистики // Opera Slavica. Slavistické rozhledy. [Brno], 2002. Roč. XII. № 2. S. 1–9.
2. *Плотникова А. А.* Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М.: Институт славяноведения РАН, 2009.
3. См., в частности, его монографию о жизни и обычаях народа в окрестностях городка Високо — *Височка Нахија. Филиповић М.* Живот и обичаји народни у Височкој Нахији // Српски етнографски зборник. Београд: SANU, 1949. Књ. 61.

замечания исследователя до сих пор имеют большую ценность для сопоставительных работ в области традиционной народной культуры народов всех вероучений, а также в сфере народных представлений, связанных с христианско-мусульманскими культурными контактами. В настоящее время таких комплексных описаний не существует; как правило, «бошняки» (мусульмане Боснии и Герцеговины) описывают обычаи, присущие им самим, тогда как сербы Сербской Краины исследуют, соответственно, православные обычаи, хорваты-католики — свою традицию. В этом отношении полевое этнолингвистическое исследование центральной Боснии (горный массив Белашница и регион Високо) является достаточно редким в научной среде явлением, поскольку проводилось на общем южнославянском фоне, с точки зрения различных явлений, присущих всем южнославянским традициям — от Черного моря до Альп (территория болгарских, македонских, сербскохорватских и словенских диалектов)[4]. Тем интереснее было своеобразное открытие мусульманской народной традиции, в которой архаические верования, свойственные различным южнославянским регионам, уживаются с исламской конфессиональной принадлежностью жителей-«бошняков».

По историческим свидетельствам, мусульмане, проживающие в Боснии и Герцеговине, — это южные славяне (сербы и хорваты), принявшие исламское вероисповедание во время турецкого ига на Балканах[5]. Турецкое владычество на Балканах отложило отпечаток на все регионы восточной части Южной Славии[6], что находит отражение в самых разных аспектах жизни людей, в том числе и на культурно-бытовом уровне, например, в семейном укладе сербов южнее Дуная в Сербии.

В настоящей статье хотелось бы остановиться на рассказах из сферы народной мифологии, а также о семейных и календарных традициях самих мусульман из сел Боснии,

4. См. мою монографию (*Плотникова А. А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М.: Индрик, 2004), основанную во многом на моих полевых исследованиях в разных южнославянских регионах, безотносительно к вероисповеданию жителей того или иного региона, хотя именно мусульмане Боснии в меньшей степени попали в поле зрения автора.

5. Подробнее см., например: *Вяземская Е. К.* (при участии *Карасева А. В.*) Конфессия и национальность в историческом развитии Боснии и Герцеговины // Роль религии в формировании южнославянских наций. М.: Институт славяноведения РАН, 1999.

6. См. *Гильфердинг А. Ф.* Босния, Герцеговина и старая Сербия // Собрание сочинений А. Гильфердинга. Т. 3. СПб., 1873.

о том, как «было раньше» и как стало «сейчас». Устные легенды и предания старины, как правило, насыщены традиционными фольклорными мотивами, поговорками, словесными клише, специфической диалектной лексикой традиционной народной культуры, неизменно передающей атмосферу жизни в сельской среде. Встречаются и специфические приговоры-заклинания, произносимые с целью благотворно повлиять на те или иные события в жизни человека. Далекая старина дает о себе знать и в сохраняющихся до сих пор поверьях о мифических персонажах, якобы «давным-давно» обитавших в лесах на склонах гор и не дающих спокойного существования человеку в окружающем мире. Многое из того, что было раньше, сохраняется в памяти мусульман-боснийцев, передается от старых жителей к молодым в их рассказах. Глобализация, передовые технологии, новые тенденции в сельском хозяйстве, строительстве, торговле и т. д., безусловно, приводят к некоторым переменам в сознании сельских жителей, особенно молодого поколения. Вместе с тем архаические черты сохраняются во всех сферах семейной и календарной традиций.

Расположенное в небольшой котловине в окружении скалистых отрогов (горный массив Белашница — *Bjelašnica*) село Умоляни удалено от города и других сел (до ближайшего высокогорного села Лукомир — четыре часа ходьбы по горам). В селе бытует этиологическая легенда об опасном для людей драконе, отображение которого якобы запечатлено на одной из скал высоко в горах: действительно, породы камня на боковой стенке скалы сложились таким образом, что можно разглядеть изображение огромной змеи с открытой пастью. Именно по этой причине о селе прекрасно знают в округе — в других селах Белашницы, например, в Лукомире и Лукаваце, где жители пересказывают легенду о драконе, с которой связано и название села. По самой распространенной версии легенды, дракон (*aždaha*) шел по каньону соседней реки Ракитница, затем выбрался из скал и стал извиваться, прокладывая путь в горах, отчего образовался ручей Холодный (*Studeni potok*). Вода в ручье течет, все время петляя, зигзагом (*cik-cak*), что объясняется изгибами тела дракона, пробиравшегося наверх. В это время собравшиеся на горе люди праздновали Байрам («или какой-то иной праздник» — *teferič*), плясали — исполнялся круговой танец (*kolo kolalo*). И дракон, как гласит легенда, пошел на народ, чтобы сожрать людей. О его появлении кто-то (по одной из версий — *hodža*) сообщил людям,

и они стали молиться, чтобы избежать опасности, в результате чего дракон окаменел, поскольку мольбы людей были услышаны, и осталось лишь воспоминание об этом чуде на скале. Жители очень старательно молились (*molili se*), поэтому село называется *Umoljani* (или *Moli*).

Во всех обследованных вокруг Сараева селах мусульман особенно выделяются в рассказах о мифологических существах, известных на всей территории бытования диалектов сербскохорватского языка как *вилы* (*vile*)[7]. Прекрасные девушки, «одна краше другой», с длинными волосами, распущенными или заплетенными в косы, якобы танцевали по кругу (*kolo kolale*) на лесных полянках около источников. При этом считается, что каждая *вила* обладала собственным ручьем или речушкой. По одной из легенд, люди случайно узнали от *вил*, сколько природных источников находится на соседней горе Трескавица: утомленные охотники легли в лесу спать, развернувшись другу к другу ногами, удивленная же *вила*, наткнувшись на это «чудо», воскликнула: «Клянусь 363 источниками, никогда не видела одно туловище с двумя головами!» (*Tako mi 363 vrela, nisam nikad vidjela dvije glave a jedan trup!*) (с. Умоляни). Якобы третий охотник подслушал слова *вилы*, и люди узнали, сколько на Трескавице источников. Особенностью именно исламских рассказов о *вилах* можно считать тот факт, что, по поверьям жителей, не каждый человек мог их увидеть, только добрые и верующие мусульмане (*po islamu*) обладали возможностью увидеть или услышать эти сверхъестественные существа. В других южнославянских (православных и католических) регионах встречается поверье о том, что не каждый человек может увидеть *вил*, но с религией путника это, как правило, не связывается.

Известны и общие для многих южнославянских регионов представления о следах, которые *вилы* оставляли после своего танца (*vilsko kolo*), — кругах травы, как-либо видоизмененной, причем в этих местах — голубой. Полагают также, что человек, увидевший, как танцуют *вилы*, не смог бы выжить — они бы его «сожрали» или убили. Очевидно, что традиционная амбивалентность образа *вилы* сохраняется и в поверьях боснийских мусульман: с одной стороны, по словам собеседников, прекрасные *вилы* творят только добро, помогают людям, с другой

7. Подробнее см.: *Плотникова А. А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М.: Индрик, 2004. С. 614–621.

(особенно в случае нанесения им какого-либо ущерба) — могут отомстить человеку. В связи с этим поверьем особенно выделяются рассказы о столкновении человека с *вилой*. Так, некий мужчина, сосед информантки в с. Умоляни, возвращался домой из соседнего села, которое расположено ниже в горах. При этом «он делал то, что нельзя никак делать — ходить ночью или вечером» (по словам самой рассказчицы, она так никогда не поступает, потому что запрет «сидит у нее в голове»). И тогда его «нашли *вилы*» и напали на него: как будто ветер опрокинул, налетели, и он упал (*kao vjetar nosi, naletele, on je pao*). После этого он долго болел и рассказывал, как слышал звон и громыхание цепей в шуме ветра (*lanci, kaže, kucaju lanci*; *zvukovi, ko da lanci, tutnjave*). С тех пор он был очень напуган и никогда не гулял ночью. В этом рассказе, помимо мотива наказания за нарушение запрета, также актуализируется известное в восточной части Южной Славии и Герцеговине архаическое представление о движении *вил* в ветре или вместе с ветром[8].

Другой рассказ связан с причинением ущерба самим *вилам* и необходимостью последующего наказания. По одной версии, мальчик, играя, бросил камешек в пропасть между горами (собеседницы указывают при этом на определенное место рядом с селом Умоляни — гору Слевачу), появилась *вила* и сказала, что он попал в колыбельку с ее ребенком, поэтому должен молить Бога, что на нем оберег, иначе бы ему несдобровать: «Моли Бога, что тебя мать опоясала зеленым поясом, ведь внизу ты, бросая камень, ударил по моему младенцу в колыбельке» (*Moli Boga kad ti je majka opasa zelenijim pasom, a dolje kad se bacio, kaže, udario si mi dijete u bešiki*). По словам другой рассказчицы из того же с. Умоляни, это был не мальчик, а парень двадцати лет, который заранее опоясался зеленым шерстяным поясом, как раньше и носили мальчики и юноши — 10 метров длиной, и пытался попасть в *вилу*, чтобы ее убить, потому что не знал, что это за существо. *Вила* ему сказала: «Я бы тебя сожрала, если бы не зеленый пояс! Слава Богу... повезло тебе, спас тебя зеленый пояс!» (*Tebe sad proždrla, da nije tebi tog zelenog pasa! Hvala Bogu... blago tebi, spasio te zeleni pas!*). В представлениях самых разных народов существует строгое предписание опоясывать младенца.

8. *Плотникова А. А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М.: Индрик, 2004. С. 718.

В славянских архаических представлениях пояс являлся важной составляющей в числе предметов-оберегов[9].

У боснийских мусульман, чтобы ребенка никто не сглазил и никто не мог нанести ему какую-либо иную порчу (подложить что-либо и пр.), раньше женщины плели специальный пояс из пряжи разных расцветок (с. Гине). Причем полагали, что поясок должен состоять из нечетного числа расцветок (из трех, пяти, семи), как минимум из трех — зеленого, красного, а также голубого или белого цветов: «обязательно, — говорят, — должен быть зеленый и красный. И какая-нибудь третья вдобавок» (*Obavezno, kaže, da bude zelena i crvena. I sad ona kakva treća doć*). Любопытно, что в данном случае даже сочетание «обязательных» цветов отражает мусульманскую конфессиональную принадлежность жителей (зеленый) и архаический цвет оберега, характерный для всех славян (красный). При этом в сплетенный поясок-оберег вставляли записанные на бумажке слова мусульманской молитвы из Корана, которую всегда читали «от сглаза», если ребенок много плакал. По словам информантов, в селе всегда найдется женщина, которая умеет прочитать слова мусульманской молитвы (*zna odučit*); то же самое мог сделать и священник (*hodza*); называлась такая молитва *uročna dova*. Записочку со словами складывали треугольником как оберег, завязывали в красную тряпочку и затем затыкали за поясок (*Piše na papirče, smota se, na trokut, na hamajliju i zaveže se u crvenu krpicu i onda se stavi na pasić*). Если ребенок носил записочку со словами молитвы в своем поясе, то считалось, что он защищен вдвойне: «и тогда после этого ему не могут навредить ничьи „злые глаза“, не могут сглазить, никто — ничего. Вот так это раньше было!» (*I to onda da mu ne mogu ničije oci naškodit, nikoga ureč, niko ništa. Eto, tako je prije bilo!*).

По поверьям из того же села Гине (окрестности города Високо севернее Сараева), находящиеся вокруг *вилы* могли заменить новорожденного своим ребенком. Это типичное для западных, но весьма редкое для южных славян верование в подменыша (ребенка *вилы*, который много плачет и болеет) также удалось зафиксировать у боснийских мусульман: в селе Гине маленького ребенка, находящегося в люльке, матери охраняли, чтобы его не украла и не подменила на собственного слабого ребенка *вила*.

9. Подробнее см.: *Левкиевская Е. Е.* Пояс // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей редакцией Н. И. Толстого. М., 2009. Т. 4. С. 230–232; *Плотникова А. А.* Пояс // Славянская мифология. Москва: Эллис Лак, 1995. С. 321–322.

То, что подобное поверье зафиксировано именно у мусульман в центре Боснии, подтверждает исключительную сохранность архаических представлений в данной этноконфессиональной среде на фоне традиции православных и католиков, у которых подобные представления, возможно, давно утеряны. Разумеется, чтобы избежать «подмены» ребенка, его не выносили в течение 40 дней из дома и не оставляли одного, а также оберегали с помощью пояска и мусульманских четок, привязанных к пояску, если мать вынуждена была выйти с младенцем из дому. Как и во всех других южнославянских регионах, безотносительно к религиозной принадлежности жителей (католиков, православных), здесь также запрещалось не только выходить с ребенком во двор при наступлении сумерек, но и сушить детские пеленки: ради здоровья младенца, нельзя допускать, чтобы «мрак упал на детскую одежду» (*ne sme mrak past na bebinu robu*).

Сама роженица до истечения сорока дней после родов во избежание каких-либо неправедных действий злых сил также не должна была выходить из дома без предметов-оберегов. Ей предписывалось брать с собой что-либо железное: ключ или гвоздь, или «что-то»[10]. Кроме того, в течение первых сорока дней на время сна мать, лежащая рядом с новорожденным, оставляла под своей подушкой рядом с ребенком мусульманские четки (*tespih*) или ключ, ножницы «на 40 дней», следя за тем, чтобы это никто не трогал (*i da se to ne miče od deteta*). В селе Подвине мать, первый раз выходящая с ребенком из дома, берет с собой не только какие-либо предметы из железа (как правило, ключ или гвоздь), четки, но и при переходе через проточную воду (реку, ручей) обязательно бросает в воду хлеб или крошки хлеба (якобы рыбам, но без этой «жертвы» природным силам она не имеет права выходить из дома с ребенком).

Как и во всех других южнославянских регионах, сразу после рождения роженицу приходили навестить женщины, а через несколько дней устраивался женский праздник по случаю рождения ребенка, называемый *babine*[11]. При посещении ребенка женщины вели себя таким образом, чтобы невольным

10. Об апотропеических свойствах металлов известно всем славянам, см. *Левкиевская Е. Е.* Металлы // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общей редакцией Н. И. Толстого. М., 2004. Т. 3. С. 245–248.

11. Ср. широкое распространение термина и обычая на территории южных славян (*Плотникова А. А.* Этнолингвистическая география Южной Славии. М.: Индрик, 2004).

восхищением или умилением не сглазить малыша; при любых словах такого рода каждая из гостей говорила: «Mašala!». Считается и по сей день, что новорожденному ничто не повредит, если будет сказано это магическое слово (I *kad kažeš «masala», onda ništa mu ne škodi!*). Более того, полагали, что, первый раз видя молодую живность, приплод у скота или домашних питомцев и т. д., следует повторять это слово. В словаре турцизмов в сербскохорватском языке А. Шкалича *mašalah* (как известно, конечное *h* в сербскохорватских диалектах зачастую утрачивается) указывается в двух значениях: 1) выражение восхищения, радости при виде гостя (здесь же автор дает пояснение, что, по народному поверью, следует говорить это слово, чтобы не сглазить, когда видишь что-либо красивое, особенно если это невеста на свадьбе, красивое домашнее животное и т. д.); 2) мусульманский амулет против сглаза, который прикрепляют детям на шапочку или другую одежду, чтобы их не сглазили[12]. По утверждениям моих собеседниц, в качестве амулета *mašala* на головной убор ребенка используют золотые украшения (*Ima mašala i na kapicu — zlato se uzme*). В Подвине и окрестных селах «машала» — это монетка небольшого достоинства, старый дукат, который ребенку дарит его мать в качестве оберега на всю жизнь, а пока маленький — носит эту монетку на шапочке. В этих селах женщины, пришедшие на родины (*babine*), кладут также монетку на лоб ребенку, чтобы защитить его от злых сил.

В ходе этнолингвистических экспедиций по центральной Боснии повсеместно можно было услышать рассказы и о другом мифологическом персонаже — так называемой *море* (*mora*), которая нападает главным образом на младенцев, высасывая из них жизненную силу (вариант: кровь), отчего у ребенка набухает грудь и он становится очень слабым. В мусульманских селах про такого ребенка говорили: «Его сосет мора!» (*Doji ga mora!*). Одна из собеседниц рассказывала, что в колыбельку ребенку клали что-нибудь серебряное, тисовую древесину (*tisovina*) и чеснок, потому как некая *мора* умела его высасывать (*jer je znala nekakva mora dojt i doit ga*). Чесноком мазали ребенку грудь, и остатки клали под голову. Сама рассказчица сказала: «Я и обоим детям так делала, потому что слышала от своей матери, как надо делать. Я зеленый пояс сплела своими руками,

12. Škaljić, A. (1979) «Turcizmi u srpskohrvatskom jeziku» [Turkish loanwords in the Serbo-Croatian language], p. 448. Sarajevo: Svijetlost.

когда сын родился. В один конец вшила кусочек тисового дерева, а в другой — серебро. А в мешочек завязала чеснок и положила под голову. Поскольку эта *мора* почувствует резкий запах и не придет». На вопрос о том, является ли *мора* женщиной, боснийка отвечала, что этого не знает, знает только то, что она «приходит и летит на новорожденного» (*mora dolazi i ona leti na dijete*), потому что детское тельце — самое сладкое на свете, обладает особым запахом, оно — райская птичка (*rajska ptičica*). Нередко о таком ребенке матери в Умолянах и других селах центральной Боснии говорили также, что «его у нее мора *душит*» (*duši mi ga mora*). В с. Гине, защищая младенца от прихода *моры*, в окна затыкали колючие ветки шиповника, некоторые забивали в порог дома при входе нож. В с. Подвине от нападения на ребенка *моры* ему в качестве пояса повязывают полоску из засушенной козьей кожи, а на грудке нательной рубашечки новорожденного вышивают крест из красных и белых ниток, что, по мнению собеседниц, должно прогнать *мору*. Кроме того, в пеленки подкладывали чеснок (*bijeli luk*), магическую травку — «защитник дома» (*čuvarkuća*), а в самом доме затыкали все возможные отверстия, через которые якобы это демоническое существо может проникнуть внутрь (*da ne bi ulazila mora*).

Основная функция мифологического персонажа, называемого *mora/zmora* и известного как южным, так и западным славянам, — душить, давить человека, главным образом неженатого мужчину (у западных славян), при этом *mora* представляется в качестве незамужней девушки, которая приобретает эти способности, часто независимо от своего желания[13]. Любопытно, что и такой образ рассматриваемого мифологического персонажа нашел отражение в фольклорных сюжетах боснийских мусульман. Рассказывают, что в Умолянах однажды произошел следующий случай. Как-то осенью молотили зерно. Мужчины, как обычно, в это время спали в коровниках на соломе, заодно присматривая и за зерном, чтобы его не намочил дождь. И один молодой мужчина по имени Хасан (говорят, он был силен, статен и хорош собой) однажды пожаловался: «Меня сосет мора! У меня что-то растут груди» (*Meni doji mora! Meni nešto prsa rastu*). И решил пойти за помощью к ходже. Здесь следует особо отметить, что *hodza,* мусульманское духовное лицо, у боснийских мусульман

13. Подробнее см.: *Левкиевская Е. Е.* Змора // Славянские древности. Этнолингвистический словарь/Под общей редакцией Н. И. Толстого. М., 1999. Т. 2. С. 341–344.

предстает как знахарь, целитель, знаток разных магических способов освобождения от напастей любого рода, однако в ряде случаев и как человек, использующий свои знания во вред людям, то есть выступает в роли местного колдуна. Так, одного из наших собеседников в селе Пориечани (окрестности городка Високо) прозвали в округе *hodza* за то, что он умел подбирать травы от разных болезней, помогал людям советами и знал заговор от *моры*. Ходжа, к которому обратился юноша из Умолян, сказал пострадавшему, чтобы он вечером ничего не боялся, обязательно лег навзничь, прислонился к балке, чтобы видеть вход в коровник, и непременно следил за тем, чтобы не заснуть, чтобы караулил, кто к нему придет. Мужчина его послушался, сделал все так, как ему велел ходжа. Лежал так час и услышал, как старушка снаружи крикнула кому-то, чтобы корм скоту дали. Как вдруг в дверях, проникнув через замочную скважину, появилась девушка, вся разодетая, в украшениях, серебре и золоте, колокольчиках. Девушка, прекрасная, как *вила*, начала его высасывать (*cura, ko vila, i počne me dojit*). И тогда он крепко схватил ее обеими руками перед собой, сделав все так, как сказал ему ходжа. Он ее схватил, и она уже не могла никуда деться — попалась. И он сразу ее узнал — соседка! А пришла, чтобы его уничтожить. Она ему и говорит: «Хасан, прошу тебя, не выдавай меня никому, Богом заклинаю, не выдавай, я тебе дам все, что у меня есть! Приданое дам!». Приданое, или свадебные подарки невесты (*boščaluk*), — это и рубашки, и штаны, и шапки, все. И вот этот мужчина, сильный и усердный в работе, умер в старости, а никому никогда не сказал, что это за девушка была. Он сказал ей тогда: «Я тебя не выдам, но ты не смей никогда больше никому такое делать; чтобы этого не повторилось!». Она отвечала: «Не буду, да и не могу больше, потому что ты меня видел и узнал, так что не могу я больше так делать».

По словам собеседниц, по-другому при поимке поступали с ведьмами, женщинами преклонного возраста, вознамерившимися сотворить зло со скотом. Их называли *si(h)irbasice* (*sihir* «зло»), реже — *vještice*, и также стремились подкараулить, поймать, распознать и наказать. Такие женщины якобы могли превращаться в любое животное или предмет, могли также пролезть через замочную скважину: лишь встряхнутся — и снова обретают облик женщины (*i samo se strese i izadje van, strese se — ona je žena*). Активность ведьм приходилась на Юрьев день, называемый у боснийских мусульман *Jurjev(o)*, в канун

которого производились различные магические действия, чтобы защитить от ведьмы дом, людей, скот. Собирали и везде затыкали траву под названием *vratić* (от *vratiti*, «возвратить, вернуть»); три раза обходили хлев и дом, обсыпая вокруг зерном или семенем льна со словами молитвы (вариант: со словами заговора, чтобы ведьма «ничего не могла сотворить ни мне, ни моим детям, ни моему скоту»). Кроме того, ходили к ходже, чтобы он сделал «записочку» (амулет) под Юрьев день для здоровья скота (*pa hajde da pravi zapis hodža na Jurjev da bude ajvan zdrav*). На рог корове привязывали тряпочку с записочкой, проговаривая в рифму: «Ничего не случится/не навредит скоту в течение года» (*Ne može hajvanu za godinu dana!*). Ходжа также заговаривал воду в канун этого дня и давал несколько бутылок с разными записочками внутри: для овцы, для коровы, для людей (*Ovo ti je za ovcu, ovo ti je za kravu. Ovo ti je na kuću*). Рано утром на Юрьев день нужно было побрызгать водой из соответствующей бутылки членов семьи, скот (особенно — рога и уши).

В канун Юрьева дня хозяева скота дежурили, чтобы поймать ведьму. Так, дядя одной из рассказчиц жаловался, что у него все время что-то случалось с коровой — какую бы корову ни купил, она или сдохнет, или заболеет, или сделается бесплодной... Менял он, менял коров, потом говорит: «Все, иду к ходже!». Ходжа, который, конечно, знал, в чем дело, сказал ему: «Когда будет Юрьев, карауль на Юрьев, спрячься перед коровой, придет кое-кто, кто истребляет твое добро». И, говорит, я спрятался в яслях, когда вдруг в дверях возникает женщина, а двери закрыты! Но она все равно входит, голая, в чем мать родила! И, говорит, что-то около коровы стала делать, а я выскочил, прыгнул на нее, но нельзя ее схватить — она будто жиром намазана. Где ни схватишь, скользит, а руки липкие становятся. Но у нее были косы. И он накрутил ее косы на руку и побил ее сильно. На другой день разносится весть по селу: у Зинеты сломана рука. Ночью куда-то выходила и сломала руку. А это он сломал ей руку. И с тех пор она этого больше не делала, не могла, да и не смела. Но тогда и она его заклинала: «Никому не рассказывай про меня». Но он рассказывал, не хотел покрывать ее, хотел всем рассказать о ней. И была она его ближайшая соседка. Давно очень случилось, а ей уже тогда было точно не менее 60 лет. По другим рассказам, спрятавшийся в загоне хозяин, у которого гибли овцы и ягнята, увидел черную птицу среди овец. Он замахнулся топором и отрубил птице крыло. На другой день в одной из ближайших

к Умолянам деревушек объявилась женщина без руки. Практически каждый из наших собеседников знал по одной из таких историй.

У мусульман в окрестностях Сараева под Юрьев день следовало караулить ведьм в хлеву, если корова не давала молока, причем об этом предупреждал обратившегося к нему человека местный ходжа: «Когда наступит Юрьев день, дожидайся Юрьева, спрячься перед коровой, придет к тебе некто, кто тебя уничтожает» (*Kad bude Jurjev, čekaj na Jurjev, sakrij se pred kravu, doći će neko ko te ništi*). Считалось, что в Юрьев день ведьма седлала прялку из тисового дерева (женщины, ругаясь, иногда говорят друг другу: *vještica na preslici,* «ведьма на прялке»), чтобы отправиться на свои пагубные для людей и скота дела. Для защиты в этот день от вредоносных действий ведьм ходили к местному ходже, чтобы тот с помощью амулета — написанными словами из Корана на бумаге (*zapis*) — обезопасил скот на Юрьев день: «...А давай, пусть сделает записочку ходжа на Юрьев, чтобы скот был здоров» (*...pa hajde da pravi zapis hodža na Jurjev da bude ajvan zdrav*). Чтобы обезопасить себя от порчи от определенных особ в селе, девушки в канун Юрьева дня рвали крапиву для одной, другой, третьей ведьмы, «сажали» растения перед порогом дома и проговаривали, чтобы крапива жалила ту, ту и ту... В окрестностях Високо (село Гине), оберегая дом и хлев от прихода ведьмы ночью, в канун Юрьева дня осыпали помещения зерном или пеплом, считая, что на следующий день по оставшемуся на пепле отпечатку ноги можно будет распознать ведьму. Посыпая пепел вокруг дома, хлева, обязательно произносили молитву — слова из Корана (*uči se i pospe se oko štale, oko kuće*). Использование религиозных предметов и сакральных слов известно в ритуально-магической практике самых разных народов, у мусульман Боснии это Коран, четки, записи на амулетах арабскими буквами слов из Корана.

Первое умывание водой на Юрьев день, особенно водой взятой из-под мельничного колеса, с целью приобрести в новом году здоровье и красоту известно всем мусульманам, с которыми велась беседа (села горных массивов Белашницы и Трескавицы, регион Високо). В данном случае сакральное значение приобретает семантика первого умывания (известная в самых разных южнославянских регионах безотносительно к конфессиональной принадлежности верующих), но приурочение этого обычая к православному празднику подчеркивает переплетение праздничных мотивов из разных религиозных вероучений.

Как правило, рано утром, до восхода солнца водой, взятой из-под мельничного колеса, умывались девушки, а также мыли в ней и волосы, чтобы волосы были пышными и хорошо росли: «Умойся, вымой волосы, чтобы волосы росли у тебя, умойся, чтобы быть красивой; не было крема и пудры, как сейчас, а все было натуральным» (*Umij se, operi kosu, da ti kosa raste, umij se, da budeš lijepa, nije bilo krema i pudera, kao sada, nego prirodno bilo*) (с. Умоляни). При этом воду брали заранее, в канун Юрьева дня. Существовало и предписание — тогда же бросить в быстро крутящуюся воду свою первую работу: девочка училась вязать и, чтобы руки работали так же быстро, как крутится вода под мельничным колесом, бросала туда свое первое крошечное изделие из шерсти.

В селе Пориечани в окрестностях Високо в канун Юрьева дня отправлялись к водяной мельнице в селе Грджевац (в трех километрах от села), чтобы набрать воды, плещущей из-под колеса. Утром перед восходом солнца девушкам следовало умыться этой водой, чтобы быть красивыми; матери с той же целью брызгали ею на детей.

В селе Гине водой из-под мельничного колеса, которую приносили в канун Юрьева дня, на следующий день до восхода солнца умывались все по очереди в доме: и взрослые, и дети, чтобы быть красивыми. Мать должна была принести эту воду для своих детей тайком, спрятать во дворе, ни в коем случае не занося в дом — если кто-либо обнаружит воду и как-либо начнет использовать, вода потеряет свои целебно-магические свойства. Другие собеседники говорили о том, что воду из-под мельничного колеса следует спрятать, иначе ее обязательно украдут, желая использовать ее целебные свойства.

Известен мусульманам из окрестностей Високо и обычай битья детей кизиловым прутом рано утром до восхода солнца на Юрьев день. Мать приносила прут и слегка хлестала им детей: «немного <детей> побьют тем кизилом, чтобы были крепкими, как кизил» (*malo napucaju onim drijenom da budu čvrsti ko drijenovi*). Ритуальное битье кизиловыми прутьями в весенние праздники в целом распространено у южных славян (ср. поговорку: серб.-хорв. *zdrav kao dren* «здоров, как кизил»). Это делалось перед ритуальным умыванием заготовленной накануне водой из-под мельничного колеса. Магические ритуалы до восхода солнца на Юрьев день описывались и как целый ряд последовательных действий: девушки и юноши шли накануне

к мельнице, чтобы набрать хлещущей из-под колеса воды, утром умывали и обливали этой водой детей. Затем брали кизиловый прут и детей бьют, чтобы были здоровыми, как кизил, затем крапивой жалили, чтобы они были здоровыми, как крапива. После этого каждый ребенок умывался этой водой, когда проснется, чтобы быть здоровым.

По представлениям мусульман на Белашнице, на Юрьев день можно было увидеть чудо — обозначение сокровенного места вблизи села. Способность увидеть пламя раз в году на Юрьев день дана не каждому, а только особым людям: в ночь на Юрьев день горит огонь над могилой умершего, когда подходишь ближе, все пропадает. Это знак того, что там было раньше какое-то здание — либо церковь, либо мечеть, там же и кто-то погребен. В окрестностях Високо верили, что на Юрьев день или Благовещение можно увидеть сияние закопанных сокровищ, денег, кладов. Разумеется, при этом информанты иногда путают даты этих двух праздников, однако в данном случае в народном сознании большую роль играет так называемая народная этимология: *blago* «клад» и *Blagovijest* «Благовещение» по звучанию близки в языке боснийцев, сербов, хорватов: «и говорят, что в канун Благовещения (вроде бы 6 мая…) смотрят, где горит огонь, потому что там и золото закопанное лежит» (с. Гине).

Следует добавить, что в Юрьев день хорошо известен ритуал купания около мельничного колеса и православным сербам: проживающие в регионе Високо сербские семьи также брали эту воду перед Юрьевым днем, чтобы умыться рано утром следующего дня. Причем, по словам сербов, если девушки только умывались этой водой, то взрослые мужчины рано утром на Юрьев день там купались. Безотносительно к конфессиональной принадлежности этот обычай на Юрьев день сохраняется до сих пор. Около известной в Грджеваце (в трех километрах от села Пориечани) водяной мельницы народ собирался толпой с раннего утра в канун Юрьева дня, чтобы налить воды и принести домой для утреннего умывания в Юрьев день.

У православных сербов с Юрьевым днем (серб. *Ђурђевдан*) связываются также и представления о некоторых защитных функциях, например, окуривать дом от змей и ящериц следовало либо на Благовещение, либо на Юрьев день; собирать целебные травы и давать скоту измельченными с солью от сглаза, порчи и против злокозненных действий ведьм — также на Юрьев день. В монографии М. Филиповича из середины прошлого века

широко представлены и сербские, и мусульманские народные поверья на Юрьев день в Високском крае, с указанием на то, что здесь у мусульман «много совпадений с православными»[14].

Зафиксированные в центральной Боснии схождения в традициях мусульман и окружающих их сербов-христиан во многом обусловлены общей архаической основой подобных поверий. Важными концептами в верованиях становятся не только сакральные предметы и слова молитвы, но и природные объекты (вода, огонь, травы, металлы и т.д.). В традиции также сохраняются верования, испытавшие влияние как христианского вероучения, так и ислама.

Библиография/References

Вяземская Е. К. (при участии *Карасева А. В.*) Конфессия и национальность в историческом развитии Боснии и Герцеговины // Роль религии в формировании южнославянских наций. М.: Институт славяноведения РАН, 1999.

Гильфердинг А. Ф. Босния, Герцеговина и старая Сербия // Собрание сочинений А. Гильфердинга. Т. 3. СПб., 1873.

Левкиевская Е. Е. Змора // Славянские древности. Этнолингвистический словарь/Под общей редакцией Н. И. Толстого. М., 1999. Т. 2. С. 341–344.

Левкиевская Е. Е. Металлы // Славянские древности. Этнолингвистический словарь/Под общей редакцией Н. И. Толстого. М., 2004. Т. 3. С. 243–248.

Левкиевская Е. Е. Пояс // Славянские древности. Этнолингвистический словарь/Под общей редакцией Н. И. Толстого. М., 2009. Т. 4. С. 230–233.

Плотникова А. А. Пояс // Славянская мифология. Москва: Эллис Лак, 1995. С. 321–322.

Плотникова А. А. Этнолингвистическая география Южной Славии. М.: Индрик, 2004.

Плотникова А. А. Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М.: Институт славяноведения РАН, 2009.

Толстая С. М. Московская школа этнолингвистики // Opera Slavica. Slavistické rozhledy. [Brno], 2002. Roč. XII. № 2. S. 1–9.

Филиповић М. Живот и обичаји народни у Височкој Нахији // Српски етнографски зборник. Београд: SANU, 1949. Књ. 61.

Filipovich, M. (1939) «Zhivot i obichaji u Bisochkoj Nahii» [The Life and Customs in the Region Visoko], *Srpski etnografski zbornik*. Beograd: SANU.

Gil'ferding, A. F. (1873) «Bosnija, Gertzegovina i staraja Serbija» [Bosna, Herzegovina and Old Serbia], in Sobranije sochinenij A. Gil'ferdinga [Collected Works of A. Hilferding]. T. 3. Saint-Petersburg.

Levkijevskaja, E. E. (1999) «Zmora» [Mora], in Tolstoy, N. I. (ed.) *Slavjanskije drevnosti. Etnolingvisticheskij slovar'* [Slavic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary]. T. 2, s. 341–344. Moscow.

14. *Филиповић М.* Живот и обичаји народни у Височкој Нахији // Српски етнографски зборник. Београд: SANU, 1949. Књ. 61. С. 136.

Levkijevskaja, E. E. (2004) «Metally» [Metals], in Tolstoy, N. I. (ed.) *Slavjanskije drevnosti. Etnolingvisticheskij slovar'* [Slavic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary]. T. 3, s. 243–248. Moscow.

Levkijevskaja, E. E. (2009) «Pojas» [Belt], in Tolstoy, N. I. (ed.) *Slavjanskije drevnosti. Etnolingvisticheskij slovar'* [Slavic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary]. T. 4, s. 230–233. Moscow

Plotnikova, A. A. (1995) «Pojas» [Belt], *Slavjanskaja mifologija* [Slavic Mythology], s. 321–322. Moskva: Ellis Lak.

Plotnikova, A. A. (2004) *Etnolingvisticheskaja geografija Juzhnoj Slavii* [Ethnolinguistic Geography of South Slavia]. Moscow: Indrik.

Plotnikova, A. A. (2009) *Materijaly dlja etnolingvisticheskogo izuchenija balkanoslavjanskogo areala* [Materials for Ethnolinguistic Study of Balkan-Slavic Area]. Moscow: Institut slavjanovedenija RAN.

Škaljić, A. (1979) «Turcizmi u srpskohrvatskom jeziku» [Turkish loanwords in the Serbo-Croatian language]. Sarajevo: Svijetlost.

Tolstaja, S. M. (2002) «Moskovskaja shkola etnolingvistiki» [Moscow School of Ethnolinguistics], *Opera Slavica. Slavistichke rozhledy*. [Brno]. Roch. XII (2): 1–9.

Vjazemskaja, E. K. (pri uchastii Karasjova, A. V.) (1999) «Konfessija i nacionaljnost' v istoricheskom razvitii Bosnii i Gertzegoviny» [Confession and Nationality in the Historical Development of Bosna and Herzegovina], in *Rol' religii v formirovanii juzhnoslavjanskih natzij* [The Role of Religion in the Formation of the South Slavic Nations]. M.: Institut slavjanovedenija RAN.